

и церковнымъ фиксаціямъ, стоящимъ въ рѣзкомъ противорѣчій къ исходной точкѣ.

Для практическаго поведенія въ области религіи и культуры діалектическому воззрѣнію также нужны будутъ нѣкоторыя ограниченія. Вѣдь церковное воззвѣщеніе Слова должно быть внятнымъ. Но для того, чтобы оно было внятно, потребны не только слова и мысли, но и дѣла и воззрѣнія, общенія и конкретныя положенія, — такія, которыя являлись-бы указаніями на потустороннее, а не только указаніемъ на себя и свою конечную форму. Тѣмъ самымъ и культура становится непосредственно важной для вѣры. Не безразлично, какого рода ея автономія: приходится-ли ее признать «надменной» или-же преисполненной послушанія и готовности къ воспріятію Вѣчнаго; и если даже правда, что культура и религія не суть Царство Божіе, то онѣ все-таки

и не противорѣчатъ ему. Царство Божіе проявляется и въ культурѣ, и въ религіи, — и та, и другая живутъ имъ — но конечно лишь какъ вѣчно грядущимъ, никогда не сущимъ, никогда не постигаемымъ.

Движеніе Барта принадлежитъ къ великимъ событіямъ въ исторіи протестантской теологіи: да, въ нѣкоторомъ смыслѣ, оно, по значенію своему даже уходитъ за предѣлы теологіи, — и это наиболѣе сильный элементъ въ немъ. Правда, его теологическія границы ясно очерчены, но важнѣе границъ является внутренняя мощь движенія, ибо оно преисполнено сознаніемъ того, что больше теологіи, больше благочестія, больше культуры и церкви, и предъ чѣмъ отрицаніе всего поименованнаго должно быть нашимъ первымъ и незыблемымъ долгомъ.

Проф. Д-ръ Пауль Тиллихъ.

ПИЛИГРИМЪ ГРОБА ГОСПОДНЯ (ЛЕОНЪ БЛУА) *)

Переводъ съ французскаго.

«Есть только одна печаль — сказала она ему въ послѣдній разъ, это — не быть святымъ.
Леонъ Блуа.

«— Если Вы не артистъ то кто же Вы?» спрашиваетъ Маршнуара художникъ Лазаръ Дрюидъ, въ «La femme pauvre» — книгѣ необычайной, книгѣ, которую я могъ бы назвать «апофеозомъ страданія!»

И Маршнуаръ отвѣчаетъ:

«Я — пилигримъ Гроба Господня... И ничего больше»...

Маршнуаръ — романтическій псевдонимъ, подъ которымъ любилъ скрываться Леонъ Блуа. Маршнуаръ — герой «Désespéré» — перваго романа Блуа, гдѣ голосъ его, его львиное рычаніе съ такой страстью звучитъ изъ глубины темницы тѣла—страстью, обличающей безбожное общество съ его презрѣннымъ строемъ.

Весь Леонъ Блуа въ этомъ порывистомъ,

слишкомъ сильно бьющемся сердцѣ Маршнуара.

Мы найдемъ его и въ «La femme pauvre», хотя тамъ онъ и не въ центрѣ дѣйствія. Въ этомъ второмъ романѣ нѣтъ его лица, но всюду чувствуется духъ его. Герои Клотильда, Гакуньоль и Леопольдъ живутъ, чувствуютъ и говорятъ, какъ Леонъ Блуа. И самъ онъ, словами Маршнуара, называетъ себя тѣмъ, чѣмъ онъ и былъ — самымъ прекраснымъ художникомъ французскаго слова.

«Что мнѣ сказать Вамъ? Если мнѣ суждено быть художникомъ — тѣмъ хуже для меня. И мнѣ ничего другого не остается, какъ отдать на служеніе Истинѣ то, что было дано мнѣ Ложью. Способъ ненадежный и опасный, такъ какъ смыслъ Искусства въ томъ, чтобы создавать Божье».

И великій провозвѣстникъ, свободный отъ какой либо заранѣе воспріятой теоріи, вынужденъ, если не окончательно осудить искусство, то все же предостеречь насъ противъ него и языческой тирании его въ особенности.

«..... Мы должны были бы быть очень

*) Статья спеціально написана для «Пути».

печальными, добавилъ странный пророкъ, какъ бы говоря съ самимъ собой... День угасаетъ, близится ночь, когда никто уже не будетъ работать... Мы — одряхлѣли, а тѣ, которые идутъ за нами — еще болѣе... Дряхлость наша столь велика, что мы даже не сознаемъ себя идолопоклонниками».

«Когда придетъ Иисусъ, тѣ изъ насъ, кто еще «бодрствуетъ» при свѣтѣ маленькой лампы уже не будутъ въ силахъ взглянуть въ Его Лицо, т. е. будутъ слишкомъ поглощены разгадываніемъ Знаковъ, которые не могутъ дать жизни. Свѣтъ падетъ на нихъ сзади и такъ будутъ они судимы.»

Леонъ Блуа, а вмѣстѣ съ нимъ и всѣ гени послѣдняго столѣтія, такъ осознавалъ необходимость для искусства и, во всякомъ случаѣ, для искусства наиболѣе богатаго и утонченнаго, сложить оружіе передъ Жизнью въ Лицѣ Иисуса Христа: «Я — Жизнь» и нѣтъ иной жизни. Какими бы именами они не назывались: Гоголь, Достоевскій, Вагнеръ, Бодлъръ, Артуръ Рэмбо, Верленъ или Леонъ Блуа — всѣ они должны были склониться передъ Тѣмъ, Кто порой ниспосылалъ имъ такіе сверхчеловѣческіе звуки.

Не въ ихъ силахъ было не сказать «Амен» — это наивысшее слово искусства тогда, когда искусство, уже близкое къ гибели, отрекается отъ себя и угасаетъ. А если не «Амен», то мы услышимъ «Раса» Ницше — эротъ «Амен» отрицанія; «Амен» кощунства и отчаянія, смѣхъ въ раскаленной пустынѣ, смѣхъ, полный слезъ, смѣхъ, убивающій немощный разумъ смѣющагося. Но если Ницше и не призналъ Христа, если бредилъ Діонисомъ, то Сынъ Божій все же не позволилъ ему сдѣлать ни одного жеста, не позволилъ свободно, безъ Себя и помимо Себя, достигнуть Зенита духовнаго расцвѣта. Тѣло Его преградило путь Заратустрѣ. И, если мы и любимъ Заратустру, то лишь за то, что онъ даетъ намъ съ еще большей остротой чувствовать отсутствіе Сына Маріи.

Преисполненный благоговѣнія, Леонъ Блуа никогда и ни къ чему не приспособлялся. Онъ нашелъ среди католиковъ немногихъ рѣдкихъ людей, удовлетворявшихъ его безмѣрную жажду абсолютнаго. Непризнанные своими современниками люди эти не теряли своего значенія въ глазахъ Леона Блуа, который интересовался лишь однимъ: прославленіемъ обѣтованной Истины, пришествіемъ раньше или позже,

здѣсь или тамъ, такъ или иначе Царствія Божія, о которомъ молятся, вотъ уже 2 тысячи лѣтъ въ «Отче Нашъ», пришествія загадочнаго и безконечно желаннаго Параклета.

Среди людей, окружавшихъ Блуа, былъ Бланъ де Сень-Бонэ, писавшій о грѣхопадении, о страданіи, о любви. Леонъ Блуа, тогда еще молодой, тотчасъ же оцѣнилъ его. Были и другіе писатели изъ среды аристократіи, напр. графъ Розелли де Лоргъ. Леонъ Блуа обязанъ ему своимъ преклоненіемъ передъ Христофоромъ Колумбомъ — этимъ Христоносцемъ. Графъ былъ авторомъ прекрасной книги на эту тему, впоследствии затронутую самимъ Блуа, и однимъ изъ вдохновителей неоконченнаго и до сихъ поръ процесса о канонизаціи «*du reveleateur du globe*». *). Былъ среди этихъ людей и Барбэ д'Оревилли — романистъ, обаятельный рассказчикъ и эссеистъ. Онъ оказалъ большое вліяніе на французскую литературу 1870 года и Блуа началъ подражать его стилю, окрашенному въ тона пламенные, сверкающіе, испанскіе, стилю мозаики, гдѣ съ такой неслыханной виртуозностью смѣшаны и слиты мысли и образы — религіозныя и нерелигіозныя — самаго дерзкаго, но и самаго плѣнительнаго и умнаго католичества.

Леонъ Блуа унаслѣдовалъ царственные уборы въ которые Барбэ любилъ облекать французскія фразы. Однако, мало по по малу, стиль его освобождается отъ этого вліянія не дѣлаясь, впрочемъ, болѣе строгимъ, а наоборотъ лишь обогащаясь качествами болѣе цѣнными, которыми не обладалъ довольно поверхностный Барбэ. Блуа постигаетъ всю глубину вещей, на которыя Барбэ лишь указываетъ. Голосъ его звучитъ властно, съ силой, какой не могъ достигнуть авторъ «*Les diaboliques*». Онъ быстро сбрасываетъ съ себя художественную мишуру, расслабляющую фантастику, всѣ прыжки и позы этого удивительнаго стилиста. Онъ говоритъ медленно, тяжело, вѣско. Голосъ его — уже не звукъ хрустала, а звукъ бронзы. Онъ звучитъ въ строго размѣренномъ ритмѣ и темпѣ, но не утомляетъ однообразіемъ Онъ исходитъ изъ души и глубоко волнуется...

*) «*Le révélateur du Globe*». (Christophe Colombe et sa beatification future), avec une préface de Barbey d'Aurevilly — первая книга Л. Блуа.

Быль среди этих людей и Эрнест Элло. И кто же могъ быть ближе Леону Блуа какъ не писатель, чьи мысли, высказанныя уже раньше и въ книгахъ и въ статьяхъ, были такъ родственны ему и позже выражены имъ самимъ еще болѣе сильно и звучно. Это Элло внушилъ Блуа страстную мечту о величавой мысли, которую Предвѣчный скрываетъ подъ покровомъ Знака.

Ужасъ передъ условностью міра сего, по самому существу своему противоположной царству Того, Кто Есть, ужасъ передъ безбожіемъ общества, передъ узостью умовъ равной лишь узости сердецъ, ненависть ко всему, что не проникнуто любовью къ Истицѣ, не преклоняется передъ ней, что противится утвержденію Сущаго — все это звучало уже у Элло *), прежде чѣмъ раздался львиный голосъ Блуа.

Э. Элло былъ единственнымъ писателемъ своего времени (литераторомъ онъ никогда не былъ), который не только служилъ Богу, но служилъ лишь Ему Одному — Первому и Послѣднему, не признавая никакихъ идоловъ, хотя бы и самыхъ почтенныхъ, достойныхъ уваженія и самыхъ правовѣрныхъ. Ни Э. Элло, ни Леонъ Блуа никогда не удостоили ихъ улыбки. Первый презрительно высмѣивалъ ихъ съ высоты скалъ своей Бретани, или, вѣрнѣе, съ высоты холмовъ Сіона. Второй, подойдя ближе, обдавалъ ихъ помоями.

Величіе этихъ умовъ, чуждыхъ компромиссовъ и двойственности, въ томъ, что ни одинъ изъ нихъ ни на одну минуту не измѣнилъ Единому, отражая всѣ покушенія на непоколебимый тронъ Его. Ни Э. Элло, ни Л. Блуа нельзя упрекнуть въ томъ, къ чему такъ склонны даже лучшие люди міра сего — въ пренебреженіи Бога, въ забвеніи цѣны Искупленія, въ равнодушій къ Третьему Лицу Его. И тотъ и другой были вѣрными, отважными и бдительными слугами Его.

Упоминаю имена всѣхъ этихъ людей, чтобы лучше опредѣлить условія въ которыхъ развивался Леонъ Блуа — писатель.

*) «L'homme», «Paroles de Dieu», «Philosophie et Atheisme», — главныя книги Э. Элло. Къ нимъ слѣдуетъ отнести и посмертную книгу его «Du Néant à Dieu», составленную изъ отдѣльныхъ замѣтокъ (медитаций, молитвъ) книгу замѣчательную и весьма цѣнную для почитателей Элло.

Перехожу теперь къ краткой характеристикѣ его мысли. Можно-ли, однако, не упомянуть о томъ, что до Эрнеста Элло и Барбэ д'Оревельи былъ еще и Жозефъ де Мэстръ? Всѣ они шли однимъ путемъ, но де Мэстръ былъ именно тѣмъ, кто смѣло и рѣшительно вернувшись въ Церковь, внесъ туда съ собой нѣкоторыя начала метода аналогіи и символизма, неизвѣстно почему забытыя и сохранившіяся, хотя и въ искаженномъ видѣ, лишь у болѣе или менѣе, еретическихъ теософовъ. Миссія де Мэстра заключалась въ томъ, чтобы воскресить въ католичествѣ въ его чистомъ видѣ духъ *вселенскости*. Духъ этотъ, въ сферѣ интеллектуальной, можно сравнить съ тѣмъ «христоцентризмомъ», который всѣ опытные мистики не только провозглашали, но и выявляли.

Итакъ, Леонъ Блуа, пришелъ вслѣдъ за Де-Мэстромъ, Элло и Бодлэромъ, чьи величавые звуки такъ часто слышны у него; онъ шелъ вслѣдъ за Барбэ д'Оревильи, шелъ часто рядомъ съ другомъ своимъ, этимъ подлиннымъ артистомъ, — Виллье де Лиль Аданомъ, шелъ впереди Гюисманса, своего ученика, котораго если и предпочитали учителю, то лишь потому, что былъ онъ болѣе книжнымъ, но менѣе мистичнымъ, болѣе буржуазнымъ, но менѣе неучтивымъ, болѣе доступнымъ, но менѣе преданнымъ Богу бѣдныхъ.

Леонъ Блуа пришелъ чтобы на величаво-нѣжномъ языкѣ развить изумительную метафизику, вознесенную имъ и навсегда слитую съ высокой поэзіей. Выражалъ онъ ее всегда въ метафорахъ, часто прибѣгая къ самой неожиданной и забавной гиперболѣ или къ примѣрамъ изъ собственной жизни.*).

Основная мысль Леона Блуа заключается въ томъ, что «всякій человѣкъ свободно совершаетъ необходимый актъ»**)

*) Чтобы не возвращаться къ данному вопросу замѣтимъ здѣсь, что Л. Блуа имѣлъ вліяніе и на другихъ писателей. Не говоря уже о его друзьяхъ, назовемъ холерическаго Мирбо, великодушнаго Поль Адама, натуралиста - лирика Лемонье, плагиатора Лоранъ - Тальяда и нѣкоторыхъ памфлетистовъ, пытавшихся выразить себя въ жанрѣ, вполне исчерпанномъ Л. Блуа.

***) «L'âme de Napoléon».

Въ такой постановкѣ проблема, обсуждаемая Св. Августиномъ и столь мучившая всѣхъ, особенно въ христіанствѣ, налагающемъ вѣчное осужденіе за временные поступки, проблема эта находитъ свое рѣшеніе уже въ самой формулировкѣ, И если эта формулировка и не проникаетъ въ тайну, то все же, она вскрываетъ сущность ея и, какъ передъ глазами слѣпой вѣры, такъ и передъ слишкомъ зрячими глазами разсудка, упраздняетъ наиболѣе трудную сторону мучительной загадки.

Исходя изъ этой мысли, Блуа заключаетъ, что всемірная исторія есть текстъ—однородный, чрезвычайно-последовательный, имѣющій свой скелетъ, свой позвоночный столбъ и свою логику, но совершенно сокрытый и что текстъ этотъ нужно расшифровывать съ благоговѣйной осторожностью. Само собой разумѣется, что понятіе «Случая» Леонъ Блуа отбрасываетъ какъ «нестерпимое богохульство». Все что случается—провиденціально. Случается лишь то, что входитъ въ божественный планъ. И Клотильда — эта «*La femme pauvre*», эта жертва Страданія, испытавшая и тѣлесно и духовно полное уничтоженіе, потерявшая своего покровителя, ребенка, друзей и мужа и достигшая высокой ступени святости, говоритъ въ концѣ книги: «Да будетъ благословенно все, что случается!»

Мысль эту нельзя заподозрить въ детерминизмъ, такъ какъ если тотъ или иной актъ и опредѣленъ Богомъ, то это не значитъ, что онъ не опредѣленъ человѣкомъ, сохраняющимъ первичную свободу избранія. Планъ божественный и планъ человѣческой (или природной, созданный Богомъ, воля котораго остается неизмѣнной, такъ какъ обѣтованія Его непреложны) остаются автономными въ отношеніи другъ друга. Но въ «созерцаніи» есть лишь «одинъ жестъ, жестъ въ безконечность, жестъ абсолютнаго бытія, отраженный въ безчисленномъ разнообразіи символовъ».

Такова, въ немногихъ словахъ, философія Леона Блуа. Это — пророчество исторіи, это католическое (вселенское) истолкованіе Творенія. Предѣльной силы и величія достигаетъ эта философія въ словахъ: «Все земное предназначено къ Страданію» и въ томъ, что Бѣднаго (какъ и въ обѣихъ книгахъ Завѣта) считаетъ она непосредственнымъ представителемъ Бога и существованіе Бѣднаго — единое и вѣчное — главнымъ куполомъ великаго храма Исторіи.

Вотъ почему геніями Исторіи будутъ

для Л. Блуа люди наиболѣе ярко отразившіе въ себѣ Творца въ Его красотѣ, Его силѣ и великодушіи, но болѣе всего, въ Его нищетѣ, покинутости и одиночествѣ. Ибо Богъ Леона Блуа есть Богъ Страждущій. Прочтите его книгу о Наполеонѣ — этомъ темномъ прообразѣ Того, Кого смутно предчувствуетъ и ждетъ міръ самъ того не зная и все же не въ силахъ защитить себя отъ долгаго и страстнаго ожиданія.

Прочтите его «*Jeanne d'Arc*» которая спасла Францію, подобно тому какъ Дѣва Марія спасла родъ человѣческой. О! Леонъ Блуа, конечно, не историкъ въ точномъ смыслѣ этого слова. Онъ слишкомъ поглощенъ мыслью найти «безошибочно вѣрный планъ исторіи», первичный планъ ея. Вотъ почему часто принужденъ онъ отклоняться отъ предмета ея и въ самомъ Богѣ созерцать типъ, который изучаетъ. Не будемъ, поэтому, слишкомъ довѣрять его сужденіямъ. Они вѣрны лишь тогда, когда относятся не къ людямъ, а къ божественному Дыханію, создавшему ихъ души. Леонъ Блуа едва-ли могъ ошибаться, когда писалъ о Жаннѣ д'Аркъ. Но когда онъ пишетъ о герояхъ менѣе преданныхъ Богу или когда восхваляетъ того или иного изъ своихъ друзей, довѣрять ему, конечно, не слѣдуетъ. Неопровержимымъ остается лишь принципъ которому онъ подчиняетъ себя,—принципъ согласно которому одинъ лишь верховный Судья облагаетъ властью до глубины проникать въ психологію непокорныхъ дѣтей своихъ и до конца прослѣдить всѣ результаты ея.

«Все видимое есть слѣды шаговъ невидимаго» — говоритъ Блуа. И если это такъ, то мы должны быть вполне удовлетворены.

Скажу еще, что культъ, воздаваемый Леономъ Блуа Франціи (о! по мотивамъ чисто религіознымъ, мотивамъ, которые русскіе поймутъ скорѣе другихъ, потому что русская земля дорога русскому сердцу, прежде всего, какъ святая Русь) часто выражался имъ въ словахъ слишкомъ преувеличенныхъ и часто не подходящихъ для христіанина. Однако на основаніи нѣкоторыхъ слишкомъ восторженныхъ фразъ чисто мистическаго характера, прославляющихъ Францію не современную, а Францію крестовыхъ походовъ, Францію Св. Людовика, Францію, посѣщаемую Дѣвой Маріей*), ошибочно было бы заключить, будто Леонъ

*) Salette, Lourdes, Pontmoin — три явленія Дѣвы Маріи за послѣднее столѣтіе во Франціи въ теченіе 25 лѣтъ.

Блуа былъ націоналистомъ и консерваторомъ. Это совершенно невѣрно. Онъ съ упорствомъ отстраняетъ отъ себя названіе «патріота». Леонъ Блуа жилъ для Бога, лишь для Него одного. Не нужно забывать, что его призваніемъ была гениальность, а не святость и ему дано было право, подобно византійскому художнику или Микель Анджело, видоизмѣнять природу для достиженія художественной экспрессіи. Его несправедливость, простибельная лишь художнику, неслыханная ярость всѣхъ его памфлетовъ могутъ оттолкнуть. Вотъ почему, подходя къ Блуа, лучше быть подготовленнымъ и кое что знать о немъ. Иначе тотъ, кто потеряетъ терпѣніе и не плѣнится удивительной красотой его стилиа, конечно, возстанетъ противъ этого безпощаднаго обличителя, этого безжалостнаго инквизитора.

Но тотъ кто знаетъ Леона Блуа, знаетъ глубину души его, знаетъ бездонную нѣжность ея, ея способность любить, ея жажду справедливости, знаетъ на какую нищету обрекли его равнодушіе и холодная ненависть современниковъ — тотъ не замѣтитъ суровости его писаній, даже самыхъ ядовитыхъ. Не говоря уже о всей фантастичности его гнѣва, дѣлающаго его похожимъ на Раблэ, но Раблэ — трагическаго, Леонъ Блуа, нападая на врага и втапывая его въ грязь, свойственную, какъ онъ думаетъ, природѣ этого врага, преслѣдуетъ одну лишь цѣль — Славу своего Бога, славу, на которую покушается наглость врага.

Въ этомъ — разгадка такъ называемой «злости» Леона Блуа, какъ католическаго памфлетиста. «Моя труба — это двойникъ. У нея два отверстія. Одно для — «анаема», другое для — «осанна» — говоритъ онъ.

Необходимо отмѣтить и то, что Леонъ Блуа былъ, прежде всего, рыцаремъ, рыцаремъ въ полномъ смыслѣ этого слова. Подобно людямъ средневѣковья, онъ считалъ себя неизмѣннымъ другомъ всѣхъ обиженныхъ и угнетенныхъ и съ какимъ, поистинѣ, ангельскимъ краснорѣчіемъ защищаетъ онъ ихъ!

Непримиримый въ вопросахъ религіи онъ дѣлается добровольнымъ защитникомъ cadaго страдающаго, къ какому бы, даже самому ненавистному для него направлению тотъ не принадлежалъ. Страданіе и Бѣдность уже сами по себѣ святы для Леона Блуа и гдѣ бы онъ не встрѣтилъ ихъ — въ нихъ благоговѣнно поклоняется онъ Иисусу Христу.

Леонъ Блуа черпалъ всѣ свои познанія въ Св. Писаніи. Одинъ изъ его друзей, аббатъ Тардифъ де Муадрэ, далъ ему драгоценный ключъ для чтенія священныхъ текстовъ. Онъ открылъ ему, что все св. Писаніе *говоритъ только объ одномъ — о Богѣ* (такъ, когда Моисей пишетъ: Каинъ или Авель — онъ подразумѣваетъ одного и того же Бога, но подъ двумя именами и двумя образами). И такъ какъ міръ для Леона Блуа это — Исторія, это — нѣкая точка, равновѣсіе коей утверждено на Крестѣ Спасителя, на мукѣ Распятія, пребывающей въ неутолимомъ страданіи всѣхъ членовъ Тѣла Его. И такъ какъ принятіе жизни связано у него съ надеждой на непостижимое Утѣшеніе, то могъ-ли онъ, этотъ современникъ, скорѣе Оригена и Тертуллиана, чѣмъ Св. Ѳомы, Паскаля, Боссюэта, Лакордера или Толстого, могъ-ли онъ не заглянуть въ бездну, раскрытую еврействомъ, заглянуть такъ, какъ ни одинъ христіанинъ послѣ Св. Павла?

И заглянувъ въ нее, Леонъ Блуа не могъ не увидѣть тамъ все тѣ же вѣчныя черты Божественнаго Лица. Такъ родилась эта необыкновенная, огненная книга «*Le salut par les juifs*». Въ ней и наивысшія проклятія вѣроломству этого народа и наивысшее прославленіе, воздаваемое сердцемъ христіанина этой Расѣ отлученныхъ. Ибо «если отверженіе ихъ — примиреніе міра, то что будетъ принятіе, какъ не жизнь изъ мертвыхъ?» (Къ Рим. XI, 15).

Позже у Леона Блуа будутъ и другія болѣе личныя, причины, интересоваться евреями. Къ нему придутъ друзья Израильтjане; многіе изъ нихъ примутъ христіанство и Леонъ Блуа полюбитъ, все больше и больше, страданіе еврейскаго народа: «Во всѣ времена Церковь говоритъ о томъ, что *Святость присуща этому народу*, — единственному, исключительному, неистребимому, хранимому Богомъ, какъ зѣницу ока Его, среди гибели столькихъ народовъ для цѣлей свершенія послѣднихъ Судебъ Его. Отверженность этой Расы и есть божественный Знакъ, такъ ярко выявленный, Знакъ пребыванія Духа Святого надъ этимъ столь презираемымъ народомъ, народомъ, который явится въ концѣ временъ въ Славѣ Утѣшителя».

Леонъ Блуа увидѣлъ, что на еврейскомъ народѣ лежитъ печать Страданія. И это навело его на мысль: не въ страданіи-ли сущность всей Исторіи, всей мистеріи ея? И не въ Страданіи ли высшій символъ Израиля? На стеблѣ Іессея расцвѣла

Чаша Цвѣтка и развѣ Богоматерь не воплотила въ себѣ все страданіе еврейскаго народа? Не Она-ли, безутѣшная Мать, съ сердцемъ, произеннымъ мечами, стояла тамъ у креста, въ кровавый день, когда Божественный Плодъ Ея, на древѣ креста, былъ вознесенъ надъ землей? Не Она-ли родившая народу Своему Воплощенное

Слово, въ кровавый день этотъ увидѣла, что Крестъ несетъ на себѣ Того, Кого носило благословенное Чрево Ея?

Крестъ — это еврейскій народъ, думаетъ Л. Блуа — этотъ истолкователь тайны Страданія. И въ памяти его возникаютъ сцены хулы Евреевъ: «Если Онъ Сынъ Божій — пусть сойдетъ съ креста». Вотъ почему Леонъ Блуа ждетъ обращенія евреевъ. До тѣхъ поръ пока это не произойдетъ, спасеніе міра будетъ пригвождено къ Кресту Израиля.

Праздникъ «Notre Dame des Sept Douleurs» — одинъ изъ самыхъ трогательныхъ праздниковъ Католической Церкви, былъ одной изъ любимыхъ темъ его размышлений и созерцаній. «Notre Dame de la Salette», явившаяся въ горахъ Дофинэ, двумъ малолѣтнимъ пастухамъ Меланіи и Максимины 19 сентября 1846 года — была Богоматерью Плачущей. Она предсказала великія бѣдствія, если христіане не покаются. Но такъ какъ слова Ея были особенно суровы по отношенію къ священникамъ, то эта Вѣсть Пресвятой Дѣвы (такъ называетъ ее Меланія) была искажена или скрыта большей частью французскаго духовенства. Правда, въ словахъ Пресвятой Дѣвы есть нѣкоторая неясность, есть предсказанія, которыя могутъ смутить даже непредубѣжденныхъ. Однако Леонъ Блуа всей душой проникся не только «Явленіемъ въ Саллетѣ», но и образомъ Меланіи Кальва, душа которой была, несомнѣнно, наиболѣе щедро одарена Благодатью.

Леонъ Блуа — этотъ рыцарь Маріи, печальный герольдъ «Celle qui pleure», причисливъ къ потомству Евы еще одну, никому неизвѣстную «великую святую», этимъ какъ бы раскрывая въ каждой женщинѣ то мистическое предназначеніе, которое съ такимъ совершенствомъ проявилось, безъ вѣдома Дьявола, въ смиренной Дѣвѣ изъ Назарета. До женитьбы на дочери датскаго поэта Христіана Мольбахъ — Жаннѣ Мольбахъ онъ получилъ отъ одной проститутки, полюбившей его и всецѣло отдавшейся Богу (Вероника въ «Désespéré») откровенія, которыя хранилъ

всю жизнь. Женщина эта, благодаря безграничному смиренію своему, была прямой посредницей между нимъ и Небомъ. Но вскорѣ онъ потерялъ эту духовную сестру свою. Страданіе — синонимъ Рая для всѣхъ святыхъ — является прежде всего удѣломъ Евы и Маріи. И Леонъ Блуа, создавъ храмъ «Désespéré» не могъ не построить величественный мавзолей прекраснаго стиля въ честь женщины. Женщина *принуждаетъ Спасителя сойти* къ ней, когда лишается всего потому, что Богъ не можетъ не отозваться на голосъ зывающій къ Нему изъ бездны Нищеты. «La femme rauve» — это Клотильда, которую священникъ встрѣчаетъ однажды въ Церкви всю въ слезахъ. На вопросъ, что съ ней? Клотильда отвѣчаетъ:

«Я очень счастлива. Въ Рай входятъ не завтра и не послѣзавтра. Въ Рай входятъ *сегодня* всѣ бѣдные, всѣ распяты».

«Нынѣ же будешь со Мною въ Раю» прошепталъ священникъ, выходя изъ Церкви, потрясенный и полный любви.

Здѣсь необходимо, хотя бы вкратцѣ сказать о метафизикѣ Бѣдности, въ которой сокрыта тайна Леона Блуа. Ею проникнуты не только «Le désespéré», и «La femme rauve», — всѣ его книги посвящены развитію этой гениальной теоріи. Бѣдность, по мысли Блуа, открываетъ чело-вѣка воздѣйствию Бога. По самой метафизической сущности своей она какъ бы автоматически отвѣчаетъ требованію святого закона. То, чего не хватаетъ бѣдняку и есть мѣра того, чего онъ заслужилъ, что ему слѣдуетъ. И потому, полная нищета открываетъ доступъ къ источнику всяческой полноты и сама Слава Божія требуетъ, чтобы Нищій, рано или поздно, былъ вполне насыщенъ. Таковъ духъ Magnificat'a — этого синтеза двухъ За-вѣтовъ, провозгласившій возвеличеніе бѣдныхъ, смиренныхъ, угнетенныхъ и низверженіе гордыхъ, сильныхъ и богатыхъ, занявшихъ мѣсто Предвѣчнаго.

Если Леонъ Блуа не социалистъ, то потому, что христіанство не можетъ удовлетвориться тѣми или иными формулами буржуазнаго гуманизма. Самый крайній социализмъ кажется слишкомъ скромнымъ наряду съ христіанствомъ, а теорія всеобщаго уравниенія посредствомъ пониженія всѣхъ цѣнностей, ненавистна каждому, героически настроенному христіанину, какъ та теплопрохладность, которую Богъ извергаетъ изъ устъ Своихъ. Одна лишь Вѣчность рѣшитъ всѣ эти вопросы,

а пока писатель съ удивленіемъ отмѣчаетъ таинственное, многовѣковое терпѣніе бѣдныхъ. Но когда самъ онъ негодуешь, то «возмездія», придумываемыя имъ — страшны.

Пророчество Евангелія остается неизмѣннымъ: «Бѣдныхъ всегда будете имѣть среди васъ». И какъ всѣ безплодные опыты правительствъ, такъ и руководства социологовъ ничего не измѣняютъ въ существующемъ порядкѣ вещей. Бѣдность — неистребима, потому что въ ней какъ бы отображенъ и воплощенъ Иисусъ Христосъ.

Авторъ «Le Sang du Pauvre», называющій себя «Le Mendiant ingrat» — неблагодарный нищій — беспощаденъ къ богатымъ. Онъ ссылается на тексты Священнаго Писанія, иногда дополняя ихъ примѣрами. Онъ обвиняетъ богатыхъ во имя Жажды Бѣднаго, жажды въ высокой степени священной, такъ какъ она является требованіемъ необходимаго и опирается на неумолимые доводы математики. Чтобы понять мысли Блуа, достаточно открыть Евангеліе и прочесть притчу о Лазарѣ, бѣдномъ Лазарѣ въ лонѣ Авраама. Пропастъ отдѣляетъ его отъ богача, которому суждено всю вѣчность тщетно вымаливать у него хотя бы каплю воды.

Есть равновѣсіе, установленное Самимъ Богомъ, равновѣсіе, о которомъ пѣла Богоматерь во время посѣщенія Елизаветы.

«Богатство питается кровью Бѣдныхъ» говоритъ Леонъ Блуа. «Деньги это — кровь Бѣднаго». Этой кровью живутъ и отъ нея умираютъ. Кровь эта отвратительна и она же достойна обожанія, какъ символъ Христа-Спасителя, символъ горячей, струящейся».

Бѣдность высока не личными качествами бѣдныхъ, а божественными свойствами своими. Это — живал, метафизическая реальность. Это — кровь, текущая въ страждущихъ, распятыхъ членахъ. Но кровь эта застыла. Грѣховное человечество претворило ее въ знакъ тяжелый и неумолимый, какъ Смерть. Деньги — это кровь Искупителя. Деньги — это жизненная сила Бѣднаго. Это — эмблема богатства, которое дѣлитъ людей на имущихъ и неимущихъ, на рабовъ и властителей. Деньги — евхаристичны. Питаясь плотью

и кровью Бѣднаго богатый ѣсть, по словамъ Св. Павла, свой *судъ*, свое *осужденіе*. Отсюда нельзя не заключить, что Леонъ Блуа смотрѣлъ на всѣ современные вопросы исключительно съ точки зрѣнія теологической. Его пониманіе Страданія его метафизика Бѣдности, его мистика Денегъ не только поражаютъ, но и убѣждаютъ. И стыдно дѣлается за вѣкъ, который прошелъ мимо писателя и мыслителя такой величины, какъ Леонъ Блуа, почти не замѣтивъ его, между тѣмъ какъ этотъ же вѣкъ такъ усердно надилъ передъ вершинами ничтожества, унижающими искусство и разумъ человѣческой. Тотъ, кто откроетъ книгу Леона Блуа, — не станетъ читать Анатоля Франса. И никто не посмѣетъ сказать, что французская мысль скептически и атеистична, когда узнаетъ всю подлинную силу и непобѣдимую жизненность ея, выразившую себя у такихъ писателей какъ Жозефъ де Мэстръ, Бодлэръ, Эрнестъ Элло и Леонъ Блуа.

Леонъ Блуа былъ жертвой заговора молчанія, преслѣдовавшаго его вплоть до смерти. Онъ терпѣлъ большую нужду, часто въ самомъ необходимомъ, почти во всемъ, кромѣ друзей. Моральное вліяніе его на людей, слѣдовавшихъ за нимъ было очень велико. Не будетъ преувеличеніемъ сказать, что почти весь пламенный католицизмъ новообращенныхъ послѣдняго времени, тѣхъ, кто отдали Богу *все*, не допуская никакихъ ограничений, никакихъ сдѣлокъ какъ въ жизни духовной, такъ и практической — весь этотъ католицизмъ связанъ съ Леонъ Блуа. Всѣ, идущіе за нимъ — это люди влюбленные въ Бога. Религиозная жизнь ихъ, по сигналу Маршнуара, смѣло завоевываетъ область за областью. Мы, духовные наслѣдники его, безконечно благодарны Леонъ Блуа. Не мы станемъ обвинять его въ томъ или иномъ преувеличеніи, несправедливости, въ излишней строгости, въ тѣхъ или иныхъ ошибкахъ. Мы предоставляемъ это разумной критикѣ. Нашей задачей было дать, хотя бы въ краткихъ чертахъ, портретъ писателя — пророка и сдѣлать общую характеристику міросозерцанія этого слѣпого, ощупью бредущаго въ сіяніи Свѣта.

Станиславъ Фюмэ.